

⁸ См.: Гегель Г. В. Ф. Наука логики: В 3 т. М., 1970–1972.

⁹ См. подробнее: Любутин К. Н., Пивоваров Д. В. Диалектика субъекта и объекта. Екатеринбург, 1993. С. 218–236; Они же. Синтетическая теория идеального. Екатеринбург; Псков, 2000. С. 23–43.

¹⁰ См.: Гегель Г. В. Ф. Наука логики. М., 1970. Т. 1. С. 191–220.

¹¹ Жуковский В. И., Копцева Н. П. Пропозиции теории изобразительного искусства. Красноярск, 2004. С. 84.

Рукопись поступила в редакцию 2 апреля 2007 г.

С. В. Омарбекова

О СУЩНОСТИ ЛЮБВИ

В статье выделены закономерные, существенные и необходимые связи и отношения действительности, создающие феномен любви: отношение Я — Ты, составляющее фундамент со-бытия человека с человеком, отношение «Мужское—Женское», проявляющееся на всех ступенях органического развития.

От Эмпедокла и Платона до Августина и Пико дела Мирандолы, Гегеля и Шеллинга, экзистенциализма и глубинной психологии любовь занимала одно из центральных мест в онтологии. Жизнь — это актуальное бытие, а любовь — движущая сила жизни. В этих двух положениях выражена онтологическая природа любви. Без любви бытие не становится актуальным. Она побуждает все, что есть, стать большим, чем оно есть. Жизнь обретает свою природу в человеческом опыте любви. Только осознавая отношение любви к бытию, мы уясняем фундаментальный характер этого чувства.

В любви обнаруживается симптом того, что представляет собой личность. Только любовь помогает раскрыть тайну человеческого бытия. Понятие и смысл любви биологическим ее значением не исчерпывается, хотя конкретная жизнь предваряется и движется любовью. Смысл любви состоит в человеческой жизни, в «бытии-для-других» (Ж.-П. Сартр), он философски осмыслен как духовное освобождение личности в человеке, как атрибутивное свойство (основа), благо человека. Любовь, указывал Н. А. Бердяев, есть победа над властью чуждости, враждебности этого земного «объективированного мира» вещей, событий, людей. Причем всякий акт любви, будучи свободным и творческим, предваряет и венчает подлинное человеческое существование.

Любовь по своему значению и характеру наиндивидуальна. В. С. Соловьев говорил: «Закипающая в индивидуальном существе полнота жизненных сил не есть его собственная жизнь, это жизнь чужая, жизнь равно-

душного и беспощадного к нему рода, которая для него есть смерть»¹. Но именно в подлинной любви, являющейся в кипении жизненных сил, человек познает себя как личность, Другого как равного себе, обоих — как изначально *единое*. Фромм пишет о любви как о разрешении проблемы человеческого существования².

Идея любви как деятельного *начала сущего* пронизывает раннюю европейскую философию и теософию («Бог есть Любовь»). Как известно, Эмпедокл называет четыре стихии — первоначала сущего: огонь, воздух, воду и землю. Источником их активности и причинами возникновения и разрушения сущего он счел две силы — Любовь и Вражду. Любовь — начальная фаза, предшествующая вещному существованию, фаза абсолютного единства четырех стихий-первоначал. Отступает любовь — нарастает дезинтеграция (вражда), элементы разделяются. Полное разделение элементов означает совершенное исчезновение любви из мира. Затем любовь снова наступает и соединяет элементы, вражда постепенно исчезает, мир возвращается в первоначальное состояние.

В каком бы направлении философы ни обобщали понятие любви в поисках ее сущности и смысла, любовь конкретна, олицетворена. «Любить можно только живое, конкретное, а любя его действительно, нельзя примиряться с уверенностью в его разрушении, — пишет В. С. Соловьев. — Но если неизбежность смерти несовместима с истинной любовью, то бессмертие совершенно несовместимо с пустотой нашей жизни»³.

Любовь абсолютно противоположна понятию смерти, подлинная любовь всегда есть любовь к жизни. «Любви к жизни нет без вызываемого жизнью отчаяния», — отметил А. Камю⁴. Осознание, что индивидуальная жизнь неизбежно закончится смертью, — это катализатор для зарождения осознанной и глубокой любви человека к жизни. Суть любви к жизни — в неумозрительном единении со всяким бытием, со всем пребывающим в состоянии жизни.

Таким образом, любовь принадлежит к важнейшим, имманентным характеристикам бытия человеческого рода. Оценки же ее, понимание ее претерпевали значительные изменения, которые зависели от степени развития личностных, самосознающих начал в человеке. Традиции *онтологизации* любви не новы. Любовь является источником бытия как такового. Столь фундаментальное значение любви придается потому, что она идеально подходит по критериям необосновываемости и самородности к роли «онтологического первоначала».

Действительно, как отмечал Г. Зиммель, любовь необосновываема (первична), ее нельзя заслужить, заработать, организовать, это абсолютная спонтанность. Любовь творит свой предмет как самородное образование, она демиург, творя свой образ возлюбленного из своей же активности (своей энергии, «плоти»).

Тем самым любовь перестраивает бытие, т. е. создает, формирует новые объекты. Любовь, считал Лосский, есть онтологическая связь любимого бытия

с любящим существом, сопутствуемая особыми эмоционально-волевыми переживаниями; возникновение любви есть *онтологическая* перестройка, а не только субъективно-психическое переживание.

Любовь, полагал П. А. Флоренский, ее космическая функция заключены в мировом порыве к цельности, гармонии, преодолении множественности, разорванности и вражды. Любовь — это глубинное онтологическое преобразование, целительный процесс восстановления конкретного единства двоих и более лиц в царстве Божиим. «Между любящими, — пишет П. А. Флоренский, — разрывается перепонка самости, и каждый видит в другом как бы самого себя, интимную сущность свою, свое другое Я, не отличное от Я собственного»⁵. Это ведет к тому, что любовь приобретает не только облик совпадения и согласия, но и облик конфликта и борьбы. В ней несомненно присутствует что-то роковое и даже мистическое. «Предел любви — да двое едины будут» — утверждал Флоренский. Как обретается это единение? Через игру, прежде всего через выход за свои пределы, трансцендирование. Первичный смысл феномена любви состоит в том, что она есть актуализированное, завершенное трансцендирование к «ты» как подлинной, я-подобной, по себе и для себя сущей реальности, открытие и усмотрение «ты» как такого рода реальности и обретение в нем онтологической опорной точки.

В нравственной сфере отношение Я — Ты является наиболее существенным, определяющим, подлинным выражением которого выступает любовь; в онтологическом срезе мы находим отношение Мужское — Женское, осуществляемое через пол. Любовь как нравственное отношение, стороны которого непосредственно проникают в интимное ядро личности другого, служит фундаментом бытия человека с человеком; ее основание — врожденная жажда интимности, признания, приятия в его актуальном и потенциальном существовании.

Однако наиболее впечатляющую концепцию любви как универсальной основы мира, *ordo amoris* (порядок любви) космоса и человека, мы можем встретить у немецкого философа М. Шелера. Он утверждает, что любовь — универсальная, действующая во всем и на всем сила, которая направляет каждую вещь в сторону свойственного ей ценностного совершенства. Причем любовь, равно, кстати, как и ненависть, есть своего рода схема, матрица, изначальная структура беспокойного (активного) содержания всех самостоятельных бытийных определенностей (вещей, субъектов и пр.).

Так, любовь, как и ненависть, были отнесены М. Шелером к числу не просто важнейших, а качествообразующих интенций любой бытийной определенности: будь то вещь или субъект. Сердцевина этоса (совокупности императивов его поведения) субъекта либо структуры вещи — порядок любви и ненависти: форма строения этих господствующих и преобладающих страстей. Это духовная схема, первоисток вещей, человека и универсума в целом.

Любовь, таким образом, выражает, по мысли М. Шелера, «энергичность» и формотворящую активность всего сущего, которое имеет всегда уже в се-

бе свою структурность, образность. Любовь — это становление, рост, разбухание вещей в направлении первообраза, каковым первообразом они полагают Бога. Каждая фаза становления вещей — станция на пути к Богу. Вечно струящийся от Бога поток любви и ответная человеческая любовь задают динамику личности. Благодаря порядку любви человек приобщается к Богу, другим людям, ценностям, миру.

Шелер настаивает на бесстрастности любви, раскрывает ее как спокойное обладание полнотой бытия. Ее динамический аспект определен не влечением к наслаждению, а стремлением к сущности и высшим ценностям. Поэтому любовь имеет творческую природу; она всегда и везде созидательна, продуктивна, а не репродуктивна и представляет собой активную деятельность трансцендирования от низших ценностей к высшим. Шелер исходит из примата любви. Человеку, утверждает Шелер, предопределено (по интенциональной его «исполненности») любить, а не ненавидеть. Последнее есть лишь реакция на ложную любовь.

Как мы видим, различные интерпретации проясняют природу любви. А именно: любовь необосновываема и спонтанна; любовь — это не только субъективное чувство, индивидуальный «сон», она имеет и социоонтологические функции: во многом она изменяет человеческое поведение, формирует нравы и общественные отношения; *метафизический механизм* любви как единения Я и Ты заключается в трансцендировании — выходе за свои субъективные пределы, отказе от самоизоляции, идентификации Ты как «Я-подобное», овладении-самоотдаче Я и Ты в конкретном единосущии; любовь — важнейшая интенция нашей субъективности, сильнейшая заинтересованность в ком-то (или чем-то); любовь имеет сопряжение с негативной эмоциональностью — ненавистью, обладая, однако, приоритетом перед последней.

Бытие любви испытывается опытом реализованной любви. В нем содержится глубочайшая двусмысленность. Удовлетворенная любовь есть высшее счастье и одновременно его конец. Изначально любовь по своей природе едина. Только осознавая отношение любви к бытию, мы уясняем фундаментальный характер этого чувства. Если любовь во всех ее формах есть побуждение к воссоединению разделенного, становятся понятными различные качества ее единой природы. Прежде всего следует подчеркнуть, что человек — целостное существо, и тело его так же одухотворено, как и дух его телесен. Любовь, таким образом, представляет собой двуединое чувство из слияния духовных и чувственных порывов.

Человеческая любовь не может не отражать глубин человеческой сущности. Она представляет собой сложное явление, корни которого находятся в инстинкте, половом влечении, подталкивающем психику и тело мужчины и женщины к единению: «Любовь соединяет природную и общественную сущности человека, являясь комплексом биологических и психических компонентов, многосторонней и глубокой жизненной диалектикой материи и сознания», — пишет болгарский исследователь феномена любви К. Василев⁶.

Таким образом, в философском рассмотрении проблемы любви неизменно прослеживается тенденция трансцендирования наличного бытия, вынесения его за пределы познаваемого, «в Эдемский сад»: любовь — это всегда поиски возможного в сфере невозможного, желание осуществить потерянный рай на земле.

Б. П. Вышеславцев, говоря о подлинной сущности Эроса, пишет: «Любовь есть стремление и, следовательно, транс, первый и естественнейший выход из себя, выход за пределы всякого “аутоэротизма”, начало всякого самоотвержения, всякого искания полноты и бесконечности... Но далее истинная любовь трансцендирует за пределы прямого объекта любви, она обнимает луну, солнце, звезды, весь космос...»⁷

Филия есть желание объединиться с силой бытия, которая в наибольшей степени отделена от нас и одновременно наиболее понятна. Сила бытия, эта уникальная индивидуальность, проявляется в том, что из нее исходит возможность добра и его реализация. Эрос и филия также объединены в общности социальных групп. В семьях и национальных группах желание участия ориентировано на силу бытия, воплощенную в группе, даже если особые отношения по типу филии отсутствуют. Любовь как филия предполагает известную простоту в отношениях с объектом любви, которая может граничить с фамильярностью. По этой причине Аристотель утверждал, что филия возможна только между равными.

Сегодня понятия «любовь» и «эрос» употребляются в двух смыслах — широком и узком. В широком смысле они совпадают: любовь как способ осуществления человеческой целостности. В узком — любовь предстает в качестве духовной силы, возвышающей людей; эрос же предполагает обязательно физическую близость. Здесь мы встречаемся с расхождением сущего и должного: в идеале должно быть соединение любви и эроса, но в действительности возможны расхождения. Для выявления сущностной характеристики любви мы привлекаем оба этих понятия, объединив их в одном из конкретных видов любви — любви эротической, или половой. В силу многомерности любви считаем правомерным ограничиться анализом ее любовно-эротической стороны, представляющей тот вид любви, который является парадигмой всех других ее видов, необъятных для одного философского исследования. Эрос в данном отношении представляет собой, во-первых, определенный уровень осуществления любви, выражающий единство телесных и духовных моментов жизнедеятельности человека, а во-вторых, определенный аспект всех проявлений любви, отражающий ее связь с человеческой чувственностью, ее энергетическую наполненность и страстность. Страсть существа реализовать себя посредством союза с другим универсальна и лежит в основе как эроса, так и филии. Элемент либидо присутствует в самой одухотворенной дружбе и аскетическом мистицизме.

Любовь живет в нашей душе, которая не только изменчива, не только принимает самые разнообразные формы, но обладает способностью при-

способливает к своему состоянию ощущения нашего тела и все прочие его проявления. Влюбляясь, мы как бы уже заранее подготовлены к любви, поскольку в нас, не переставая, живет никогда не гаснущее чувство идеальной основы личности, *чувство принадлежности к человечеству*. И в этом высоком смысле любовь не имеет начала во времени, а есть нечто надвременное или вечное. Только благодаря любви мир есть целое, которому подчинено и которым проникнуто все единичное. И эта подчиненность есть всеобщая централизация, а проникнутость — всеобщее одушевление.

Таким образом, любовь, будучи творческой энергией жизни, как и все живое, содержит в себе противоречивые тенденции. В предельном своем выражении она отражает некую метафизическую тайну, невыразимую в словах. Любовь всегда бесконечность, открытость, проблема, очевидная для всего человечества, но так и остающаяся тайной. Философия любви не столько научное, сколько жизненное «знание о человеке», его любви, смысле бытия и существования.

¹ Соловьев В. С. Смысл любви // Соловьев В. С. Избр. произв. М., 1991. С. 154.

² См.: Фромм Э. Искусство любить // Фромм Э. Душа человека. М., 1992.

³ Соловьев В. С. Смысл любви. С. 153.

⁴ Камю А. Любовь к жизни // Камю А. Изнанка и лицо. М.; Харьков, 1998. С. 67.

⁵ Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. М., 1994. С. 3.

⁶ Василев К. Любовь. М., 1982. С. 67.

⁷ Вышеславцев Б. П. Этика Преображенного Эроса. М., 1994. С. 112.

Рукопись поступила в редакцию 29 января 2007 г.

**Ю. И. Мирошников
Е. С. Юркова**

ФУТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА КАК ОБЪЕКТ ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

Характеризуются подходы видения будущего культуры и человека в контексте изменений, происходящих в современном обществе и неоднозначно трактуемых в научной литературе. Данные подходы рассмотрены в четырех направлениях: эсхатологического пессимизма, пессимистического стоицизма, трансцендентального оптимизма, оптимистического сциентизма.

Сегодня социокультурная ситуация подчиняет человека среде, и это ставит задачу преодоления кризиса его духовности и обстоятельств, способствующих этому: упрочение компьютерной коммуникации, внедрение ин-